

НАША СТРАНА

Год издания 75-й. Буэнос Айрес, 18 февраля 2023

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, 18 de febrero de 2023

No 3192

ПРОТОДИАКОН ГЕРМАН ИВАНОВ-ТРИНАДЦАТЫЙ

Конец ли Московской Патриархии?

Посвящается памяти новопреставленного Протоиерея Венъямина ЖУКОВА, истинного сына Исторической России и Русской Православной Зарубежной Церкви. Вечная память!

То, о чём молились и мечтали в течении десятилетий — исчезновение сталинской церкви — может быть наконец настанет, но совсем не в том виде, в котором воображали.

Большевицкий монстр никак не может издохнуть. Рухнула советская власть, но означает ли это, что вернулась Россия? Нет, вернулась не Россия, а явилась РФ-ия. Предатели от Зарубежной Церкви уверяли, что чуть ли не воскресла Святая Русь, и стремительным шагом и всякими неправдами перетянули большую часть Зарубежников в будто Матер-Церковь. Но была ли это Матер? Нет, не матер, а мачеха, в чём сегодня с каждым днём сами начинают убеждаться, находясь теперь в полной растерянности.

Глаза их стали открываться на действительность и понимать, кто такой "Святейший Господин и Отец наш", которого они боготворили все эти пятнадцать последних лет.

А разумно ли было с их стороны ожидать другого исхода?

Агент советских спецслужб под агентской кличкой *Михайлов*, Кирилл Гундяев, каким не рукопожатным *Михайловым* был в советское время, таким и остался тридцать лет спустя падения ненавистной безбожной власти. А, как известно, рыба гниёт с головы.

В советское время все архиереи, без единого исключения, достигали епископской власти только с одобрения богомерзкой власти и с согласия на сотрудничество с ней. Основным видом сотрудничества было "стукачество".

"Стучать" на своих братьев, на подчинённых, на паству было одним из главных занятий советских архиереев, в замен чего могли пользоваться некоторыми, не доступными простолюдинам, льготами. Легко понять, какая духовная порча царил

в душах таких безнравственных доносчиков в рясах и митрах. На излечение от этой порчи один только способ — радикальное покаяние, глубокое коренное перерождение. А произошло ли это? Нет. А произошло то, что от одного хозяина перешли к другому. От покорного служения большевизмским сатанистам стали поклоняться Мамоне и новым государственным правителям, оставаясь по-прежнему у кормила церковной власти.

Стало даже принято громко разоблачать бывшие зверские преследования верующих и вообще мирного населения, повлекшие миллионы невинных жертв, в чём они косвенно, своим сотрудничеством, участвовали и, значит, за что несут хотя бы нравственную ответственность. И так, самое печальное, что никакого покаяния в этом долготелном сотрудничестве с сатанинской властью не было принесено, что могло бы смыть их иудин грех, а значит — и никакого духовного возрождения не видно у этих доносчиков в рясах.

Повторим тут то, что неоднократно уже писали в ответ на упрёки, обращённые к нам, что легко и безнравственно критиковать тех, кто сидит в неволе, когда сам находишься на свободе. На это Зарубежная Церковь всегда говорила, что она свободная часть Русской Церкви и по долгу является её свободным голосом. Её долгом было не накладывать на себя чужие вериги, а помогать нашим братьям сбрасывать эти вериги, держащие их в плену. Наши разоблачения касались не личностей, а той системы лжи, в которой приходилось многим по неволе жить, а некоторым успешно выживать.

В Зарубежной Церкви всегда говорилось, что мы не знаем, как бы мы сами поступали, если бы находились в жутких советских условиях, возможно не лучше многих патриархийцев, но мы, Промыслом Божиим, были поставлены в иных условиях, в условиях свободы, не для того, чтобы ею беспечно пользоваться и таить истину, а чтобы провозглашать её, что и делали в течении всего истекшего века.

Затем настали времена относительного раскрепощения, когда уже никого к стенке не приставляли за свои убеждения и каждый мог по совести говорить правду, не неся за это никакой опасности, разве только лишиться разных привилегий и льгот. Хватило бы пальцев одной руки, чтобы сосчитать кто, среди архиереев, принёс покаяние за прошлые деяния, зато подавляющее большинство бросилось в головокружительную погоню за материальными благами.

И несмотря на это, внутри Зарубежной Церкви нашлись люди, особенно в архиерейском сане, которые сочли тем не менее возможным предать своё прошлое и встать под управление тех, кого,

не без оснований, столько лет и десятилетий разоблачали. Лихо преступили красную черту и смирились с сергианством, с экуменизмом, с новым стилем — полностью забыв, всё то, что раньше писали, говорили и за что стояли.

И тут, как в басне Крылова, все эти пятнадцать последних лет веселились, блаженствовали, но когда настала зима, вдруг очнулись, сложили розовые очки, вновь увидели настоящее лицо Кирилла Гундяева и за ним всей Московской Патриархии с её мало изменившимся митрополитбюро. И поняли, что попали в ими же устроенную ловушку! И как теперь из этого положения выкрутиться? ...

Последние годы Московская Патриархия постоянно нагребала силы. Самой ценной для неё добычей, конечно, было получить в свои ряды славящуюся без борьбы большую часть Зарубежной Церкви, её вечного непримиримого доселе врага, который по сущности был отрицанием её бытия. За добычей Зарубежной Церкви, последовала добычка так называемой "Архиепископии Православных Церквей Русской Традиции в Западной Европе" — пышное название Евлогийского раскола — которая все эти годы, трудами своих прославленных богословов, объясняла, что для диаспоры нет спасения вне Константинопольской Патриархии. Но произошло то, что простым росчерком пера, даже не пообщавшись с нею, патриарх Варфоломей просто напросто уничтожил эту гибридную структуру, повелев ей влиться в местную греческую епархию, что естественно было ею сочтено за оскорбление.

Как же — с положением ексзарха почётного главы всей Православной Церкви быть снизведённым до роли служанки и вспомогательной силы какой-то невзрачной епархии!

И тут же все прежние умные разговоры о необходимом послушании Константинопольскому патриарху, которому якобы по канонам должны подчиняться не только все диаспоры, но и все поместные Церкви, вдруг стали забыты и с благодарностью евлогияне пали в объятия Кирилла Гундяева, вспомнив, что когда-то были частью Русской Церкви.

Жаль только, что в течении целого века такая мысль их не осеняла и упорно противились они многократным предложениям вернуться в Зарубежную Церковь, из которой в середине двадцатых годов вышли.

Но как только произошло вторжение российских войск на Украину, митрополит Иоанн Реннето, глава евлогиян, стал раздражаться разными возмущёнными открытыми письмами, призывами, осуждающими одобренную патриархом Кириллом политику Владимира Путина, от которой несчастный евлогиянин настоятельно просил отмежеваться. Призывы, по-видимому, желаемой

цели не достигли, ничего в этой области не было слышно. Но удивительно то, что никаких последствий за такую дерзость не последовало.

Правда, легко представить себе полное недоумение патриарха Кирилла Гундяева, не привыкшего к такому с ним обращению. Его метод "церковного менеджмента" известен — это вертикаль власти, будучи на самой верхушке этой вертикали. Он себя видит в роли своего рода местного папы римского, по принципам Первого Ватиканского Собора, установившего непогрешимость главы Церкви, принимающего свои решения самостоятельно, не нуждающегося в одобрении или совете остальных членов Церкви.

Вспомним, как он пинком уволил казавшегося всевластным митрополита Илариона Алфеева, который даже слова не посмел обмолвить в свою защиту. Также трусливо-молчаливо поступили и его собраты в архиерейском сане, как и члены Синода, от которых не послышалось ни одного слова, ни одного недоуменного вопроса — как можно так поступать с человеком, стоящим на таком пьедестале, доселе пользующимся полным доверием и заслужившим столько наград за свою деятельность? Но нет, у всех руки по швам, будь у тебя белый клобук или бриллиантовый крестик на нём, что лишний раз показывает, каков удельный вес этих широко раздаваемых наград.

А тем не менее, Кирилл никак не отреагировал на дерзость такой маленькой для него пешки, как этот евлогиянин митрополит Иоанн. Можно задать себе вопрос — почему? А вероятно потому, что стал понимать, что у него под ногами земля горит. Его прежний всевластный статут серьёзно пошатнулся и надо ему быть осторожным. Он уже с половиной официальных православных Церквей порвал после неканонических актов, поставленных патриархом Варфоломеем на Украине, но теперь его авторитет стал оспариваться и среди тех, кто стоял на его стороне.

Теперь люди не боятся открыто его критиковать. Ходят слухи о желательности выбора нового патриарха. В некоторых странах Европы, ряд приходов бывших под его омофором, открыто порывают с ним. Надо, мол, быть осторожным с этими европейцами, ведь это витрина, которой нельзя позволить треснуть, нельзя третировать их, как своих доморожденных, с которыми нет надобности считаться.

Тем временем, со стороны РПЦ МП, под номинальным водительством своего нового митрополита, устойчиво царит полное молчание.

Мы раньше, в самом начале событий, писали о двух выступлениях, хоть и не со стороны архиереев, ни даже духовенства, но одной мирянки и одной инокини. Эти две реакции давали какою-то слабую надежду, что, что-то зашевелится, но здравые

слова и мысли так и заглохли в воздухе, никем не будучи подхвачены.

Даже сами обе "женщины-храбрецы" свыклись с созданным положением и не сочли нужным пытаться долгие восстанавливать лицо своей Церкви. Синодалы, молча, трусливо сидят, хотя можно предположить, что понимают своё позорное положение, но нет уже для того нужной духовной силы, чтобы вырваться из этого униженного положения. Одно их безусловно мучает теперь: то, что Киевский митрополит Онуфрий порвал с Москвой и отныне они не могут с ним общаться. А питают они куда больше единомыслия и симпатии к Онуфрию, нежели к Кириллу, которого они теперь все "раскусили".

И тут подходим уже к самому болезненному для Московской Патриархии — потеря Украинской Церкви. Потеря, совершившаяся в два приёма. Во-первых УПЦ митрополита Онуфрия односторонне порвала административные, и даже сакраментальные отношения, решив самостоятельно варить святое Миро, что есть прерогативой ни от кого не зависящей в таинствах Церкви. А во-вторых, дальнейшее существование самой Украинской Православной Церкви сегодня под вопросом по чисто политическим соображениям, являющимся горячим желанием сегодняшней "демократической" власти.

Правительство Зеленского применяет дутые, но хорошо проверенные подлоги, которыми пользовались в течении десятилетий советчики, успешно отыскивая "врагов народа" и прочих шпионов в пользу своей анти-религиозной политики, чтобы перехватить в пользу своей бутафорной ПЦУ, саму сердцевину Православия на Руси — Киево-Печерскую Лавру, которая уже запятнана служением в ней на Рождество и на Крещение Господне команды ПЦУ и самого Епифания.

Православная Церковь Украины, или "сборная солянка", как её метко некоторые называют, является разнородным сборищем, в котором, однако, не хватает одного элемента — порядочных священнослужителей. В этом сборище, объединяющем самых ненадёжных личностей, где каждый рад сливать компромат на своего брата, всё большее влияние приобретает известный своей нетрадиционностью, сбежавший с УПЦ бывший секретарь и правая рука покойного митрополита Владимира Сабодана, Александр Драбинко. К тому же, Епифаний, как и множество оголтелых шовинистов-украинцев, горячо приветствует переход на новый стиль календаря. Интересно было бы знать: Епифаний и его сослужители праздновали или нет Рождество за две недели раньше, 25-го декабря? Оказывается ещё и то, что эта чисто обновленческая Церковь служит на украинском языке!

Сам Епифаний, в полном восторге от служения впервые в Киево-Печерской Лавре, заявил после Литургии: «На родном языке прославляем великое событие Богоявления».

Родной язык, это их выдуманная в XX-ом веке галиматья. Представить себе Божественную Литургию на современном украинском языке — прямо "святых выносы". ПЦУ с радостью внедряет всё то, что отрывает её от своих традиционных корней, идя по стопам большевиков, перетягивая весь народ на введённый Лениным григорианский календарь, надеясь тем самым ещё больше отеснить свой народ от России и русских верующих.

Тем временем идёт масштабный план постепенного полного вытеснения Украинской Православной Церкви из украинского пространства, запугиванием священнослужителей, возбуждая против них уголовные дела, лишая их гражданства, отбирая "законным порядком" монастыри и храмы.

Сейчас на повестке дня работ Верховной Рады - вопрос дальнейшей судьбы Почаевской Лавры. Не скрываемая цель правительства — перелить всю УПЦ в свою новоизобретённую ПЦУ, что ни один православный не может приветствовать.

Безусловно, вся ПЦУ вышла из МП и страдает тем же первородным грехом и превозносит её, как это делает германский Вл. Марк (Арднт), нет никакого основания. Однако ставить обе структуры, УПЦ и ПЦУ, на один уровень и отождествлять их — просто нечестно. У первой есть больше, чем видимость Церкви, чего никак не скажешь про вторую, хотя бы потому, что у неё вообще нет ни монахов, ни монашества.

Но как назидательно читать плач и стенания сторонников Онуфрия: «Надо бороться за наши святыни /.../ Отбирают храмы, выгоняют молящихся /.../ Господь поругаем не бывает и всем воздаст по заслугам /.../ Это действие антихриста или его приспешников» ... Верные, искренние слова, но их почему-то не было слышно, когда МП с помощью гражданских властей силою отбирала у Зарубежной Церкви храмы.

Когда начальник советской Духовной Миссии в Иерусалиме, стоя рядом с палестинскими полицейскими в нашем Хевронском монастыре усмехался, при виде как за ноги тянули вниз по лестнице исповедницу Игуменью Иулианию, и голова её стучалась по каменным ступенькам...

Да, сейчас явно переживаете очередной поворот в жизни Московской Патриархии, могущий привести к радикальному изменению её судьбы, и не в лучшую для неё сторону. И не только в материальном отношении с потерей Украины, её самого крупного источника доходов.

Столько десятилетий совершенно незаслуженно Московская Патриархия пользовалась невероятной снисходительностью. Мир отказывался смотреть здоровыми глазами на её сущность. Предостережения Зарубежной Церкви были гласом вопиющим в пустыне. Только вспомнить, как на Западе встречали патриархальных архиереев с умилением, изощрясь видеть в их лице представителей Церкви-Мученицы, тогда как своим сотрудничеством с безбожной властью, на самом деле, соучаствовали они в задушении веры и в преследованиях православного народа. Такое ослепление, можно полагать, сегодня кануло в вечность. Не на долгие годы, а навсегда.

И можно только надеяться, что сами обстоятельства приведут к необходимости принести то глубокое духовное покаяние, которое так ожидалось и не состоялось в девяностых годах. Такое очищение безусловно принесёт много потерь среди кадров, но поставит начало всходу новых сил, новой Церкви. И не будем терять надежду, ибо глубоко убеждены в том, что в недрах народа имеется огромный потенциал искренней самоотверженной веры.

Посеянные равноапостольным святым Великим Князем Владимиром плоды дадут ещё о себе знать и вновь воссияет Святая Русь. Буди, буди!

ТАЛЕРГОФСКИЙ АЛЬМАНАХ ПЕРЕИЗДАН

Летом 2022 года в петроградском издательстве «Алетейя» вышел в свет «Талергофский Альманах». Издательство репринтным образом воспроизвело этот четырёхтомный труд русских галичан по межвоенным оригиналам его выпусков в 1924, 1925, 1930 и 1932 годах.

Как сказано в названии альманаха, это «пропамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпато-русским народом во время Всемирной войны 1914-1917 годов». Альманах документально описывает репрессии властей империи Австро-Венгрии против коренных русских галичан и карпатороссов — сторонников общерусского национально-культурного единства — по документам, воспоминаниям выживших жертв репрессий, современников, периодической печати военного времени.

Общие потери от заключения галичан и карпатороссов в концентрационные лагеря Талергоф (Грац, Штирия в Австрии), Терезиенгоф (Чехия) и Мискольч (Венгрия), от смертных приговоров военно-полевых судов и внесудебных расправ австро-венгерских военных властей составили примерно шестьдесят тысяч человек, согласно подсчетам одного польского социалиста. А поляков нельзя было заподозрить в сострадании к коренным русским людям подъяремной Руси.

Как удалось собрать материал и выпустить такой серьезный труд?

У галичан исстари существовала корпоративная организация — Братство Успенской Церкви во Львове. Братство это подчинялось напрямую Константинопольскому патриарху, то есть было ставропигиальным. Исторически церковные братства возникали как объединение народа для защиты православной веры от агрессии папизма во времена Речи Посполитой.

В Австрии с конца XVIII века братства были запрещены, и Успенское Братство было поэтому переименовано в Ставропигийский Институт..., но народная структура его и, следовательно, корпоративная взаимопомощь народа сохранились. Успенское Ставропигиальное Братство являло собой один из мощнейших очагов книгопечатания на Руси — в типографии, «друкарне братской», ведущей начало от печатни Ивана Федорова, были напечатаны такие книги как «Адельфотес» — греко-церковнославянская грамматика (1591) и «Просфонима» — сборник хвалебных стихов митрополиту Михаилу Рогозе (1591).

Ставропигийский Институт вёл педагогическо-образовательную, научно-издательскую работу, имел музей и архив. В 1788 году при Институте была восстановлена братская школа и учительская семинария для учителей начальных и средних школ, и в 1930-х годах в ней училось тридцать студентов; издавал в

первой половине XIX века учебники для начальных и средних школ...

То есть это живое народное учреждение являло собой очаг культуры и народного единства Галичины. Стараниями активистов-галичан и были собраны материалы-свидетельства репрессий, составлен список жертв — мартиролог, и были изданы четыре выпуска альманаха.

Ставропигийский Институт был закрыт коммунистами в 1939 году как не отвечающий большевицкой идеологии, допускавшей только украинскую идентичность; всяческие напоминания о русскости галичан было запрещено. Музейные вещи в 1940 году были отданы во Львовский Государственный Исторический Музей, архив — в Центральный Государственный Исторический Архив УССР во Львове, библиотечное собрание — во Львовскую научную библиотеку Академии Наук УССР.

Так был уничтожен последний исторический очаг многовековой культуры, очаг поддержания исторической русскости Галицкой земли, тем самым устранено последнее препятствие для советской тотальной украинизации.

В первый раз альманах был переиздан в Соединённых Штатах в 1970-х годах на средства Петра Семеновича Гардога, — карпаторосса, владельца алюминиевых заводов в Бриджпорте, Коннектикуте, США, одного из борцов с мазепинством, — под названием «Военные преступления Габсбургской монархии». Его мне прислал из Соединённых Штатов Михаил Ильич Туряница, уроженец Подкарпатской Руси, учитель из Свалявы, основатель и редактор журнала «Свободное Слово Карпатской Руси» — авангарда борьбы за единую неделимую Россию. Нынешнее переиздание — первое на территории России.

Примерно с 2015 года я безуспешно пытался убедить Российское Военно-Историческое Общество (РВИО) отсканировать этот труд и разместить на своем электронном ресурсе — ведь по теме Великой Войны он как раз подходит. Далее, в 2019 году, я отсканировал смартфоном четырёхтомник с оригиналов в Румянцевской и Исторической библиотеках в Москве, а ссылку на [гуль-диск](#), где разместил сканы, выслал в РВИО — но остался без ответа.

Последняя попытка побудить это общество поведать о репрессиях против галицко-русского народа была предпринята мною в октябре 2021 года, когда я случайно забрёл в переулки ул.Петровки, где находится офис РВИО. Попросил, чтобы меня приняли; ко мне вышел их функционер, который разговаривал со мной через барьер.

Мне дали понять, что присылать-то я могу, но размещать на своем интернет-ресурсе они всё равно не будут; причину так и не назвали.

Вот такое отношение официальных советских структур к русской истории, на деле льющее воду на мельницу мазепинства.

Переизданный Талергофский альманах несомненно послужит правде и укрепит идейную борьбу за единую неделимую Россию. Труд галичан не пропал даром. Что написано пером, не вырубишь топором.

Сергей Шаропов

Кто и как на самом деле устроил Февральскую революцию

1.

МАСОН ГУЧКОВ - ОТЕЦ ФЕВРАЛЯ

Сто шесть лет назад, 2 марта 1917 года по старому стилю, последний Российский Император Николай II отрекся от престола. Бунт в Петербурге, который вынудил его это сделать, вовсе не был стихийным движением народных масс — его подготовили несколько видных оппозиционеров во главе с Александром Гучковым.

В ходе Февральской революции, Император Николай II отрёкся от престола. В результате тысячелетнюю монархию сменила анархия, а потом, в октябре, пришли большевики и создали новое государство — СССР. Вот, пожалуй, и всё, что знает большинство современных россиян об этой революции.

А многие вообще не отличают Февраль от Октября: за годы советской власти большевизм почти полностью вытеснил из массового сознания историческую память о Февральской революции, хотя именно с неё всё начиналось.

Большинство историков трактует Февраль 1917 года как нечто абсолютно стихийное, буквально как февральский снег, неожиданно упавший на головы обескураженных россиян. Руку к созданию именно такой революции приложил один из ее вождей, известный политический деятель начала XX века, лидер либеральной партии «Союз 17 октября» и председатель Центрального Военно-Промышленного Комитета (ЦВПК) Гучков.

Выступая 8 марта 1917 года на торжественном заседании ЦВПК, он заявил: «Господа, этот переворот является не результатом какого-то умного и хитрого заговора, какого-то комплота, работы каких-то замаскированных заговорщиков, которых искали во тьме ночной агентуры охранки. Этот переворот явился зрелым плодом, упавшим с дерева. Он явился неизбежным результатом стихийных исторических сил, которые выросли из русской разрыхленной почвы. Это историческое явление, и в том, что этот переворот является не искусственным творением и не результатом работы какой-то группы заговорщиков, как это было, скажем, в младотурецком или младопортугальском перевороте, кроется, по-моему, гарантия его незыблемой прочности».

«Не людьми этот переворот сделан, — передавал Гучков логику, заставлявшую трактовать Февральскую революцию как нечто стихийное, — и поэтому не людьми может он быть разрушен».

Под младотурецким и младопортугальским переворотами Гучков имел в виду турецкую и португальскую революции 1908 и 1910 годов, первая из которых закончилась установлением конституционной монархии, а вторая — заменой монархии республикой.

Итак, Россия снова «родина слонов»: и в Европе, и в Азии революции являются «искусственным творением» и «результатом работы какой-то группы заговорщиков», и только у нас, в России, революции рождаются стихийно, как Афродита из пены морской.

Февральская революция была типичным государственным переворотом, в основе которого был именно заговор, возглавлявшийся не кем иным как... тем же А. И. Гучковым.

Как же получилось, что видный московский предприниматель-старообрядец (говоря по-современному — олигарх), лидер либеральной партии, бывший соратник государственника Петра Столыпина и председатель III Государственной Думы вдруг оказался революционером?

Гучков утверждал, что «стал революционером в 1915 году», придя «к твердому убеждению», что «спасти страну... можно, только покончив со старым режимом».

После летних поражений 1915 года, говорил Гучков в другом месте, для него «стало ясно», что «рука об руку с существующей властью мы к победе не придем», а потому нужно вступить «на путь государственного переворота».

В апреле 1917 года Гучков соборил итальянскому посланнику в Румынии барону Карло Фашотти, что «совместно с четырьмя другими политическими деятелями он уже в течение полутора лет старался добиться отречения Царя в пользу царевича с регентством Великого Князя Михаила и парламентарным строем». Если от апреля 1917 года отнять полтора года, то получится октябрь 1915 года. Александр Керенский, лидер левых в IV Государственной думе, а в июле-октябре 1917 — года министр-председатель Временного Правительства, подтверждал, что Гучков «стал революционером» в октябре 1915 года, когда большинство членов либеральных партий «от одного слова революция приходили в священный ужас».

Сыграла свою роль личная неприязнь Гучкова к Царю Николаю II, отношения с которым у либерального политика окончательно испортились в начале 1912 года, еще в период III Думы — тогда Гучков с думской трибуны безосновательно обвинил Григория Распутина в хлыстовстве и политическом влиянии на самодержца.

ЛИЧНАЯ ВРАЖДА - ВЫШЕ ИНТЕРЕСОВ СТРАНЫ

Относя себя к личным врагам Царя Николая II, Гучков, по сведениям последнего директора Департамента Полиции Алексея Васильева, говорил в 1915 году: «Если я не умру раньше, я сам арестую царя».

К осени 1916 года, вспоминая недавний друг Гучкова по ЦК «Союза 17 октября» князь Алексей Оболенский, бывший либеральный политик стал «открытым злобным революционером», настроенным «больше всего» против Царя Николая II.

Согласно княгине Ольге Палей, близкой к октябристам, свержение ненавистного монарха вообще перевешивало, с точки зрения Гучкова, перспективы победы, поскольку однажды он заявил: «Черт с ней, с победой, лишь бы скинуть царя!»

Основной организацией, через которую действовал Гучков, был Центральный Военно-Промышленный Комитет (ЦВПК). Сеть военно-промышленных комитетов была создана в России в 1915 году, их задачей была мобилизация промышленности для оказания помощи фронту, попросту — размещение военного государственного заказа на частных предприятиях (за посредничество комитеты получали свой процент).

В июле 1915 года Гучков был избран председателем Бюро ЦВПК. Он говорил, что революция приведёт Россию к победе. А вышло — к поражению. Впрочем, в мобилизации промыш-

ленности роль комитетов оказалась не так велика. «В Центральном Военно-Промышленном Комитете крупнейшие заводы совершенно не были представлены, — вспоминал член ЦВПК Александр Протопопов, который в сентябре 1916 года стал последним царским министром Внутренних Дел. — И на свое ходатайство участвовать в этой организации получили отказ. Лишь в начале 1916 г. образовался отдельный Совет съездов крупных металлообрабатывающих заводов под моим председательством... Не менее 80% всего доставляемого Россией военного снабжения шло с заводов, вошедших в это объединение; более 15% доставляли заводы казенные и лишь менее 5% доставлялось военно-промышленными комитетами. Производительная роль их была ничтожна; зато политическое и экономическое значение их было велико».

Фактически ЦВПК и подчинявшиеся ему местные военно-промышленные комитеты представляли собой политическую организацию оппозиционного толка, поскольку под эгидой Гучкова объединились не только предприниматели, но и руководители оппозиционных организаций. Прежде всего — Прогрессивного Блока IV Государственной думы, который в августе 1915 года составили депутаты нескольких фракций; блок возглавлял председатель Думы Михаил Родзянко, всячески стремившийся занять пост премьер-министра. А также Земского и Городского союзов помощи больным и раненым воинам. Первый возглавлял будущий глава Временного Правительства князь Георгий Львов, второй — московский городской голова Михаил Челноков. Это были такие же квазиобщественные организации, как и ЦВПК, поскольку правительство дало союзам к осени 1916 года полмиллиарда рублей, а сами земства и города потратили на их деятельность не более 10 миллионов (для понимания тогдашних цен: российский бюджет на 1913 год составлял порядка 3,4 миллиардов рублей).

По свидетельству секретаря Рабочей Группы ЦВПК меньшевика Бориса Богданова, в ЦВПК входили «группы буржуазии, настроенные враждебно к царскому режиму».

С революционером явно согласился бы начальник Петроградского Охранного Отделения генерал Константин Глобачёв, который вспоминал, что ЦВПК и местные комитеты «были укомплектованы людьми, стоящими в оппозиции к правительству и трону, начиная от председателя Гучкова и до периферии».

«В глазах правительства, — подчеркивал социалист Виктор Переверзев, работавший в Московском военно-промышленном комитете, — эти организации Военно-Промышленного Комитета, вполне понятно, казались крайне опасными. Оно думало, что из этих организаций может развиться революционная зараза, которая охватит всю Россию. Нужно отдать справедливость старому правительству, что оно не ошиблось».

Руководители ЦВПК понимали, что для признания революции нужна массовость, а для массовости — политическая мобилизация пролетариата. В ноябре 1915 года у Александра Коновалова, заместителя Гучкова по ЦВПК и левацки настроенного миллионера, состоялось совещание общественных деятелей, где Коновалов солидаризировался с

лидером левых в Думе Керенским, который предложил «продемонстрировать народное недовольство против действий правительства какими-либо забастовками или иными демонстративными эксцессами». Коновалов тогда заявил, что «народную массу пора поднимать», дабы «обуздать наглую власть».

Инструментами мобилизации пролетариата стали образованные по инициативе Гучкова при ЦВПК и других военно-промышленных комитетах рабочие группы: в них заводы Петрограда и других промышленных городов избрали рабочих, являвшихся меньшевиками и правыми эсерами (эти партии выступали за победу в войне, в отличие, например, от большевиков, призывавших к превращению империалистической войны в гражданскую).

Секретарь общего собрания ЦВПК, народовец Михаил Новорусский объяснял введение представителей рабочих в «организацию, враждебную им по классовым интересам», осознанием буржуазными лидерами «необходимости объединения всех общественных элементов на борьбу одновременно на два фронта: с врагом внешним и врагом внутренним, т.е. со старым режимом».

Более того, согласно свидетельству Новорусского, руководители ЦВПК, «в большинстве представители капиталистических групп, легально и гласно допустили в свою среду инородную группу» именно для «подготовки революции», а потому Департамент Полиции полагал «не без основания», что ЦВПК «подрывает основы и корни».

Жандармский генерал Павел Заварзин писал, что председатель Рабочей Группы ЦВПК меньшевик Кузьма Гвоздев и его соратники «создали на заводах революционные ячейки и постепенно приобрели значение руководителей массами» как в столице, так и, через своих делегатов, в провинции, в результате чего ЦВПК стал «прикрытием подпольных организаций, члены коих, под видом осведомления масс о ходе работ, разъезжали по местам, организовывали и настраивали рабочих, связывая ячейки с подпольными центрами по восходящей линии, откуда они далее и получали указания».

ОЛИГАРХИ ПРОТИВ ЦАРЯ

Писатель Марк Алданов как-то заметил, что «у русской буржуазии до революции можно было получить деньги на что угодно, от футуристического журнала до большевизмической партии». В ходе подготовки Февральской революции щедрость буржуазии проявилась в полной мере.

В 1916-м — начале 1917-го, вспоминал меньшевик Николай Чхеидзе, оппозиционные деятели собирали по подписке деньги «на подготовку революции», а купечество Москвы, сообщил промышленник Владимир Литвинов-Фалинский коллеге по ЦВПК октябристу Никанору Савичу, в этой связи было готово пожертвовать «десятки миллионов рублей». По данным шталмейстера Виктора Винберга, члены ЦВПК и Московского военно-промышленного комитета, левацки настроенные московские олигархи старообрядческого толка Коновалов, Павел Рябушинский, Сергей Смирнов и Сергей Третьяков «жертвовали широко свои миллионы на дело подготавливавшегося Февральского переворота», на «раз-

витие и расширение революции» и «щедро сужали... подполье, которое подготавливало переворот».

Крупными жертвователями являлись также будущий министр Финансов, затем — Иностранного Дела Временного Правительства Терещенко, давший «на революцию», по сведениям чиновника МИД Владимира Лопухина, миллион рублей, а согласно свидетельству члена ЦК «Союза 17 Октября» князя Александра Голицына — пять миллионов, миллионеры Александр Котельников и граф Алексей Орлов-Давыдов.

Октябрист Алексей Оболенский писал, что будущую революцию «снабжали деньгами» Гучков, Терещенко «и многие другие».

Российский миллионер Михаил Терещенко не только вместе с другими меценатами давал деньги на революцию, но и сам вошёл в число заговорщиков. Деньги шли бастовавшим рабочим и солдатам, принимавшим участие в февральском восстании.

Вот какой рассказ участника восстания приводит в своих воспоминаниях генерал Александр Нечволодов. «Командир 31-го Дивизиона Бронеавтомобилей, приданного моей дивизии, попросил у меня разрешения представить одного из его солдат, только что прибывшего из Петрограда, где он принял участие в государственном перевороте. Я попросил привести этого солдата в штаб дивизии, где в присутствии офицеров он рассказал нам о событиях, произошедших в Петрограде... За месяц до революции он уехал в Ростов в отпуск. Там 26 февраля группа молодых людей, «студентов», вербовала солдат на улицах и вокзалах, чтобы отвезти их в Петроград для борьбы «за независимую прессу и свободу», «чтобы каждый стал гражданином и получил все права». «Давали вам за это деньги?» — спросил я у него. «Так точно, господин генерал. На ростовском вокзале нам дали 50 рублей, и в Петрограде, в Государственном банке, нам дали еще 50 рублей».

Ответив на вопросы, солдат рассказал также, что он и его товарищи в количестве 300 человек покинули Ростов. По дороге они питались на вокзалах, где им заранее готовили еду, и вечером 28 февраля прибыли в Петроград. На вокзале их встречал Гучков. Он произнёс речь и приказал раздать винтовки и револьверы, которые были привезены на вокзал в грузовиках... «Что же вы делали в Петрограде?» «После того как мы переночевали, мы сразу отправились к Государственному Банку. В это время организовывалось новое правительство. Там было очень много людей, солдат, господ. И каждый по своей прихоти мог выступить с речью. Некоторые наши солдаты выступали. Они очень даже хорошо говорили. Ведь теперь у нас свобода слова и прессы. Там нам также дали денег». «В Государственном Банке, говорите? Скорее, речь идет о Государственной Думе, нет?» «Точно, Государственная Дума, господин генерал», — поправился наш собеседник».

Выступая перед революционно настроенной толпой в три часа дня 2 марта в Таврическом дворце (где заседали Временный Комитет Думы и Исполком Совдепа), один из членов Временного Комитета — Милоков - по сути дела подтвердил рассказ «неизвестного солдата», когда заявил, подразумевая Гучкова: «И вот теперь, когда я в этой зале говорю с вами, Гучков на улицах столицы организует победу. Что бы вы сказали, если бы вместо того, чтобы расставлять войска вчера ночью на вокзалах, в которых ожидалось прибытие враждебных перевороту войск, Гучков принял участие в наших политических прениях, а враждебные войска, взявшие вокзал, заняли бы улицы, а потом и этот зал? Что стало бы тогда с вами и со мной?».

Те, кто ищет в русской революции немецкие и английские деньги, не должны забывать, что русских денег там точно хватало.

Сергей Куликов

О НОВОЙ МАССОВОЙ ЭМИГРАЦИИ ИЗ РОССИИ

Касательно российской эмиграции, сейчас стало общим местом рифмовать даты — 1922 и 2022. Но на самом деле, как они сопоставляются?

Во-первых, первая эмиграция имела место в конце 1920, когда генерал Врангель покинул Крым. В 1922 году был лишь выслан из России «пароход философов».

Во-вторых, люди 1920 года ушли с оружием в руках, при твёрдом намерении возобновить борьбу за свободу России при первой возможности. Что большинство из них и сделало — вместе со своими сыновьями — в 1941-1945 годах.

Вторая эмиграция после советско-германской войны была также идейной: люди не хотели жить под коммунистической диктатурой.

После последнего этапа перестройки в 1980-х годах, множество людей, (а многие и раньше с помощью еврейской и германской «квот»), уезжали из Советского Союза в поисках лучшей жизни.

Иные уезжали боясь, что вернётся коммунистическое прошлое и опять будет кошмар, а сейчас есть легальная возможность уехать свободно. Но в своём большинстве они растревались в рассеянии, часто пытаясь даже забыть русский язык и детей не учить ему. Это была «колбасная» эмиграция, экономическая.

И ничего общего с эмиграцией эпохи революции она не имела. Потому что тогда уезжали белые не в поисках лучшей жизни.

В поисках лучшей жизни до 1917 года уезжали какие-то украинцы в Канаду, кто-то в Латинскую Америку, кто-то в Европу, но массовой эмиграции не было. А вот в эпоху революции люди уезжали из своих домов, квартир, из своего устроенного и до революции часто хорошего, богатого быта, чтобы сохранить жизнь, свободу, чтобы избежать гнёта тоталитарного режима. Но с надеждой вернуться в свободную от советчины Россию.

Сейчас уезжают люди не желающие убивать своих братьев-украинцев или быть убитыми ими, в угоду путинского безумия. Многие с болью в сердце покидают родные места. Чисто экономически они очень много теряют, они уезжают из своих домов, дач, квартир,

автомобилей, от того немудрёного, но всё-таки нажитого быта, который создали за десятилетия.

Уезжают на чужие хлеба, чтобы сохранить свободу, достоинство и жизнь, если речь идет о мобилизации и отправке на фронт. И чести — потому что убивать украинцев ради потакания агрессивным безумствам Путина и его окружения, это, конечно, бесчестно.

Мы находимся в конце периода бандитского овладения Россией большевиками, коммунистами. Это были просто откровенные бандиты типа Ленина, Троцкого и Сталина. И тогда порядочные люди уезжали из страны, чтобы не оказаться в мире беззакония, которое грозило всем, чем угодно, и ждали, когда можно будет вернуться.

Особенность нынешней эмиграции 2022 года, ещё и та, что это люди, которые в большинстве мечтают вернуться в Россию и начать нормальную новую жизнь или продолжение старой жизни в бизнесе, в учёбе, в преподавании, в журналистике, в чем угодно. Это сходно.

Даже исходя из государственной статистики РФ сейчас уехали и не вернулись около ста тысяч *айтишников* — специалистов в сфере информационных технологий. Но уезжают не только *айтишники*. Речь уже идёт о цифре, существенно превышающей миллион человек из страны, в которой население 140 миллионов.

Из революционной России уехало около миллиона человек, а часть никуда не уезжала, оставшись в Прибалтике, Финляндии, Польше, Бессарабии, она просто оказалась вне пределов Советской России. Но тогда население Российской Империи на 1917 год было 180 миллионов человек. Соответственно, сейчас на четверть меньше население и больше количество уехавших — полтора миллиона, это небывалый исход.

Уехали в 1920 всякие люди, но процент интеллектуальной элиты, того, что русская социология и Питирим Сорокин называли «ведущим слоем», — беспрецедентен. Он практически полностью уехал или погиб в котле Гражданской войны, остались крохи, которые готовы были служить большевикам. Примерно

то же самое и сейчас. Уехали молодые культурные мужчины с высшим образованием, со степенями. Уехало и много молодых женщин, которым впрямую не угрожало мобилизация, но угрожало моральное давление со стороны власти, аресты и прочее. И продолжают уезжать.

Так что перед нами Россия, обескровленная снова. Даже в среде прошлой, экономической эмиграции, были действительно очень крупные и талантливые учёные, создавая новое имя Гарварду, Кембриджу, Силиконовой Долине. А сейчас это массовое явление и Россия снова обезлюжена.

Конечно, отъезд полутра миллиона людей из страны с населением в 140 миллионов не будет очень заметен нумерически, но он будет очень замечен качественно. И уже масса людей оставшихся в России по тем или иным причинам — например старики-родители, говорят, что на улице даже не с кем поздороваться, другие люди ходят по улицам Москвы и Петербурга.

Так что произошла безусловная трагедия, качественно лучшая часть русского общества уехала.

Если судьба новой эмиграции будет лучше, чем судьба белой эмиграции, то большая часть уехавших вернётся и, обогащённая новым опытом Запада, с новыми связями личными, профессиональными, бизнес-связями сможет помочь правой послепутинской России сделать рывок в хорошем направлении.

После революции и Гражданской войны в России часть людей на Западе понимали, кто такие большевики, и старались обеспечить русским эмигрантам достойное существование. Главным образом в Югославии короля Александра Карагеоргиевича. Русская эмиграция была первой, ради которой Лига Наций приняла специальные постановления о статусе беженцев, «нансеновские паспорта». Правда, многих белых также бросили на произвол судьбы.

Была и другая группа людей на Западе, сторонников мировой революции, социализма, по выражению Ленина «полезных идиотов», враждебно относящихся к белым эмигрантам. Многие на Западе тогда верили большевицкой про-

паганде, что в СССР строится рай, и поэтому к тем, кто боролся против этого рая, относились плохо. С этим столкнулись многие русские, которые пошли работать на шахты, в фермеры, как рабочая сила.

Сейчас на Западе отношение к русским — это отношение к людям так или иначе морально причастным к страшной агрессии Путина, и в этом смысле отношение к русским — не как к тем белым русским, а как к немцам после Второй Мировой войны. Конечно, иные люди понимали, что и немцы были разные, но всё равно немец и немецкий язык — это был для многих нацизм.

В конце 40-х годов, когда какой-то человек говорил со своей подругой на немецком языке во французском ресторане, на них смотрели волком и официанты, и соседи, потому что они вспоминали, как люди на подобном языке, только в мундирах Вермахта, говорили несколько лет назад в этих же ресторанах.

И то же самое с русскими сейчас. Отношение к русским заведомо негативное, и его надо будет с большим трудом взламывать на личном уровне, показывая, что ты не разделяешь позиции Путина. «Вот отвечай за то, что Путин сейчас убивает детей, женщин, уничтожает города на Украине. Ты же русский, ты же не отказываешься от своей русскости, продолжаешь читать Пушкина и славить его, ты же говоришь на русском языке, ты же не стыдишься этого».

Так совковый палач Путин строил весь мир против русских.

Н. Греков

Дорогие читатели, не забудьте внести подписную плату за 2023 год!